

Василий ПЕСКОВ

С радостью
Василий!

Юлиан

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

КОМСОМОЛЬСКАЯ
ПРАВДА

ЗИМНИЕ ПЕРЕЗВОНЫ

Василий Песков. Полное собрание сочинений

Василий Песков

**Полное собрание сочинений.
Том 17. Зимние перезвоны**

«ИД Комсомольская правда»

Песков В. М.

Полное собрание сочинений. Том 17. Зимние перезвоны /
В. М. Песков — «ИД Комсомольская правда», — (Василий
Песков. Полное собрание сочинений)

ISBN 978-5-87107-893-8

В 17-м томе собрания сочинений Василия Михайловича Пескова вы вместе с ним отправитесь в необычное путешествие по Аляске, краю золотоискателей и нефтяников, увидите ее людей и природу, а заодно, по традиции, заглянете и в «Таежный тупик», навестить Агафью Лыкову.

ББК 94

ISBN 978-5-87107-893-8

© Песков В. М.

© ИД Комсомольская правда

Содержание

Предисловие	7
1987	9
Способы защититься	9
Змея в багажнике	12
Глаза	15
Домик для крохалей	19
Осени середина	22
Мельница у дороги	25
В Бёхове над Окой	29
Лось	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Василий Песков

Полное собрание сочинений.

Том 17. Зимние перезвоны

«Все в конечном счете должно служить благу человека, лучшему устройству его жизни, его благополучию. Но благополучие и качество жизни – это не только крыша над головой, телевизор в жилье, автомобиль, добротные штаны и ботинки. Приемлемое качество жизни немислимо без здоровой пищи, без чистого воздуха и чистой воды, без радующего глаз пейзажа, без цветов и пения птиц. Мудрость состоит в том, чтобы сегодня, предвещая завтрашний день, помнить об этом».

В. Песков

© ИД «Комсомольская правда», 2014 год.

* * *

Предисловие

Одно из самых интересных путешествий Василий Михайлович Песков совершил на Аляску.

Так получилось, что летели мы вместе, и не мы одни: целая группа очень разных людей, собранных открывшимся тогда при «Комсомольской правде» «Фондом социальных инициатив».

Но оказалось, что организовал все изначально не сам фонд, а именно Василий Михайлович. Он потом вспоминал: «Путешествие это началось еще в школе. Глядя на карту мира, я останавливал взгляд на «довеске» к Соединенным Штатам, розовым лоскутком висевшем где-то на севере. Интриговало, что эта земля с притягательным звучным названием – Аляска – была когда-то русской колонией. Почему же теперь не наша?»

Как и у всех, главные знания-впечатления об Аляске были почерпнуты у Джека Лондона. Но мог ли я думать, учась в деревенской школе лесостепной России, что шестидесятилетие свое отмечу на Аляске. Мечта увидеть Крайний Север Америки возникла после автомобильного путешествия по Соединенным Штатам в 1972 году. Познакомившись близко с большой интересной страной, я почувствовал: Аляска среди всех штатов стоит особо и живет по каким-то особенным северным правилам. Но как попасть в этот край? Аляска была закрытой зоной с военными базами. Советским журналистам въезд сюда запрещался, так же, как была закрыта для американцев соседняя с Аляской Камчатка.

Путь на Аляску я начал с посещения Комитета государственной безопасности и Генерального штаба в Москве. «Нельзя ли разрешить одному-двум американским журналистам побывать на Камчатке?» И я рассказал, зачем это нужно. Мне ответили: «Нет, нельзя – военные базы». Но я был настойчив. Обязался сопровождать гостей, если им разрешат побывать на Камчатке, и в запретные места их не возить. Люди в погонах, поколебавшись, как принято у них говорить, «дали добро».

Но прежде чем втянуться в громоздкое дело: «американцы – на Камчатку, я – на Аляску», важно было не упустить случай хотя бы мельком взглянуть: что же это такое – Аляска? В 1988 году губернатор Аляски Стивен Коупер, с одной стороны, и президент Фонда социальных изобретений при «Комсомольской правде» Геннадий Алференко, с другой, в обход обычной долгой дороги через Вашингтон и Москву коротким путем через Берингов пролив устроили встречу эскимосов аляскинских и чукотских, разделенных до этого холодной войной. Окно на Аляску было прорублено. И это ускорило осуществление моих планов. Геннадий Алференко, участвуя в организации ответного гостевого десанта на Аляску с Чукотки, пригласил полететь и меня.

Неделя пребывания на Аляске усилила к ней интерес настолько, что свои планы я полушутливо сформулировал так: «Аляску надо увидеть, как следует рассказать об увиденном, а потом можно умереть».

Организовать путешествие даже при полном отсутствии в кармане валюты оказалось не так уж сложно. Для начала в Америке надо было найти охотников побывать на Камчатке. Они нашлись уже через неделю. (Спасибо за это моему давнему вашингтонскому другу Гранту Пэнделу!)

Спасибо Геннадию Алференко – он нашел деньги оплатить пребывание на Камчатке американцев, спасибо американцам – они в ответ взялись обеспечить мое пребывание на Аляске. Об этих моих друзьях вы прочтете в книге. А следующее «спасибо» я должен сказать «Комсомольской правде», отпустившей меня в дальнее странствие

с уверенностью, что бесполезным оно не будет. Спасибо живущим в Анкоридже Таки Хейзу и его жене Пэт. Познакомившись, мы стали друзьями. Дом Хейза стал для меня экспедиционной базой. Возвращаясь из разных уголков штата под крышу Таки и Пэт, я находил тут желанный приют. Ключи от дома были у меня в кармане. Можно было вернуться в любое время суток. А часто Таки встречал меня с автомобилем в аэропорту».

Это тот самый Таки Хейз, про которого Василий Михайлович рассказал в очерке «Таки Такич». Старший Таки там фигурирует с сыном. Мне тоже повезло узнать их обоих, потому что я как раз жил в доме Таки. Вероятно, что-то волшебное было в той поездке благодаря Пескову, потому что однажды, проснувшись рано и выйдя на крыльцо дома Хейзов в Анкоридже, я лицом к лицу (или – к симпатичной морде?) столкнулся с лосихой и ее лосенком, спокойно заглядывавших в огромное окно.

А вот кого я в Анкоридже в первый свой полет на Аляску так практически и не видел, так это самого Василия Михайловича. Он все время где-то путешествовал, хотя не знал английского, все время кого-то расспрашивал, всем интересовался. В результате и появились эти интереснейшие очерки о крае действительно поразительной красоты, который когда-то мы продали Америке...

Р. S. Но Аляска познакомила нас и даже сдружила с Василием Михайловичем: в полете, долгом, через Анадырь, край нашей земли, спать не хотелось. И мы как-то стали с ним рассказывать другу другу анекдоты, и это был такой своеобразный марафон, потому что Песков их знал просто бездну!

С тех пор многие годы любая наша встреча с ним в редакции начиналась с его вопроса: «Ну?» – то есть нет ли свежего анекдота.

Вот такая черточка к его портрету.

Андрей Дятлов, заместитель главного редактора «Комсомольской правды».

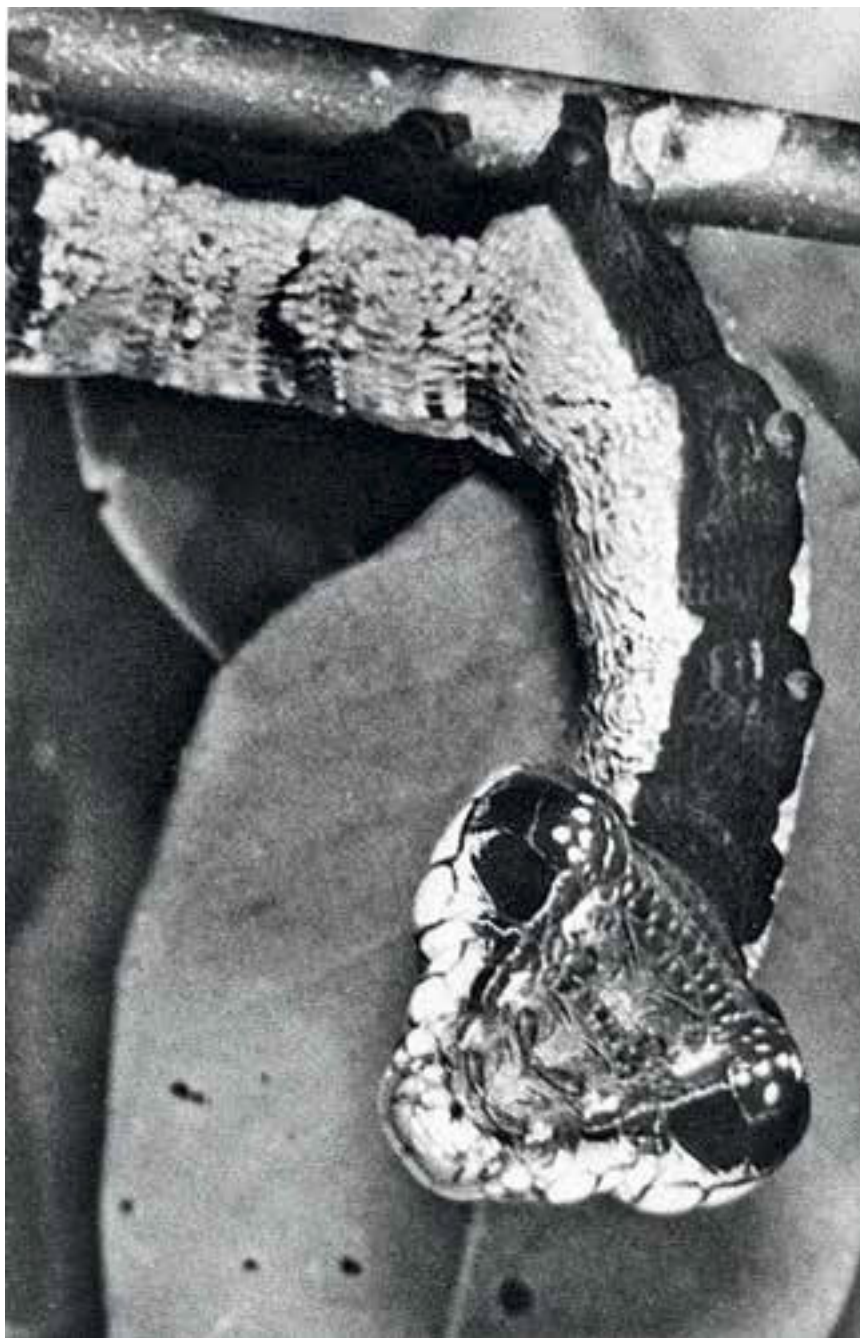
1987

Способы защититься Окно в природу

На первый взгляд, перед нами змея. Но, присмотревшись, видим: это всего лишь с устрашающим обликом гусеница...

Нападение и защита в природе достигли поразительного, виртуозного совершенства. Наиболее простой способ остаться незамеченным для хищника – слиться с окружающей обстановкой. Заяц-беляк, песец, горностай, ласка, тундряная куропатка перекрашиваются на зиму под цвет снега, а потом снова одеваются под покровительственный наряд лета. Нас поражает сияние красок в оперении петуха. Куры, живущие под покровительством человека, тоже, бывает, сверкают нарядным пером. В природе же курочка всегда – ряба. Почти все самки птиц окрашены скромно, неброско. Это помогает им оставаться на гнезде незаметными.

Целый ряд животных – лягушки, ящерицы, хамелеоны – за короткое время изменяют цвет тела под цвет окружающей обстановки.

Множество насекомых окраской и формой тела имитируют листья, сучки, цветы, камешки, стебельки трав. Это пассивная, но довольно надежная защита. Создана она, конечно, не «умом» животных. В ходе длительной, миллионолетней эволюции какое-либо пятнышко в изменении окраски, какой-то случайный вырост на теле (мутация) вдруг оказались полезными, обеспечили лучшую выживаемость, закрепились, усовершенствовались и надежно служат животному. Покровительственная окраска и форма животных – пассивная их защита. Наиболее развита она у слабых и малоподвижных. Скрыться, спрятаться от врагов приспособлены многие. Но ведь и нападающий охотник за жертвой, чтобы выжить, должен иметь острый глаз, чуткий нос и навыки, чтобы находить свою жертву. Будучи обнаруженной, жертва уже не таится, а пытается, в свою очередь, уstrasшить нападающих – птицы ворошат перья, чтобы казаться больше, у животных поднимается дыбом шерсть. Если и это не помогло, остается либо спастись бегством, либо кинуться в драку. Эти средства защиты достаточно эффективны. И даже уступающий противнику в силе смелой атакой заставляет его задержаться, опешить, поте-

рять одну-другую секунду, а этого часто бывает довольно, чтобы выпал шанс выжить. И когда уже все линии обороны прорваны, крайняя форма защиты – притвориться мертвым. К этому прибегают многие из животных, но енотовидная собака, свиноноса змея и особенно живущий в Америке опоссум этой формой защиты особенно знамениты. Они терпеливо переносят укусы, трепку, имитируя смерть. Озадаченный хищник, привыкший к трепыханию жертвы в зубах, оставляет притворяшку-опоссума, а тот, улучив подходящий момент, исчезает.

Есть животные, защитой которым служит яд, неприятный запах или отвратительный вкус. Эти не прячутся. Напротив, они выставляют себя напоказ – «будь осторожен!», «я опасен!», «я несъедобен!». Симпатичная божья коровка, колорадский жучок, другие жуки, козявки, гусеницы, осы и пчелы, окрашенные в ярко-красные или в желтый с полосками цвет, почти всегда ядовиты или обжигаяще неприятны на вкус. Однажды схватив такую добычу, птица впредь уже будет ее избегать.

Ночным животным цветная предупреждающая окраска не нужна. Для обладающих черно-белым зрением ночных хищников лучше всего заметны черно-белые полосы. Их имеют барсук, дикобраз, скунс. Это все тот же сигнал: «я умею постоять за себя, не приближайся». Пренебрегший предупреждением хищник узнает крепость зубов барсука, наткнется на опасные иглы дикобраза или получит от скунса «выстрел» жидкостью с одуряющим запахом.

«Съедобно – несъедобно», «опасно – неопасно» – многие животные постигают это опытом жизни. Но есть и врожденные страхи. Облик человека, например. Его запах животные воспринимают со дня рождения как опасность. (Человек, в свою очередь, как опасность инстинктивно воспринимает облик змеи.)

Большие глаза совы, силуэт парящего в небе орла или мелькнувшая тень ястреба для многих – знаки опасности. И вот что интересно: некоторые совершенно безобидные твари этот страх перед сильными используют себе на пользу. Ярко, в подражание ядовитым, окрашены иногда и неядовитые гусеницы. Некоторые бабочки, не сбереженные покровительственной окраской, в критический момент поднимают верхние крылья, и птица видит на нижних рисунок, поразительно похожий на два громадных глаза совы. На мгновение птица отпрянет, и бабочка может спастись.

Некоторые птицы, живущие в дуплах, и даже коростель на лугу, защищая гнездо, вертят головой и шипят, подражая змее.

И вот особенно выразительный случай: гусеница бабочки, живущей в Южной Америке, – существо беспомощное, безобидное, но ведь даже и человек испугается, увидев ее змеиную голову.

Фото из архива В. Пескова. 8 августа 1987 г.

Змея в багажнике Окно в природу

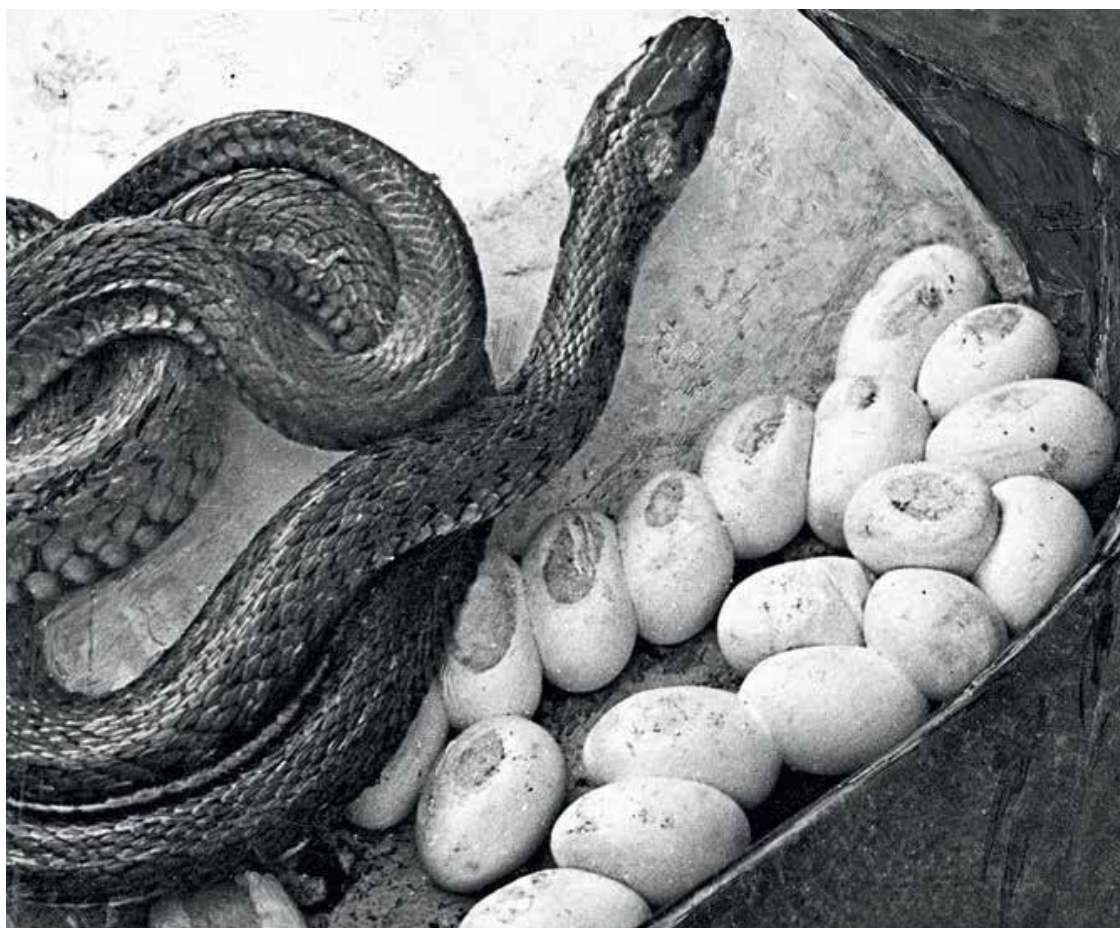
«Открыл владелец машины багажник, а в нем змея. Неопасная, правда, – обыкновенный ужак. Но багажник обжил он как следует – из кожистых мягких яиц начали появляться ужата. Скорее всего, багажник змея облюбовала где-то за городом. Заползла и пригелась».

Это все рассказал нам читатель Василий Андриющенко (г. Артемовск), приславший снимок. Ситуация эта нередкая, пожалуй, даже характерная для нашего века – пути животных частенько пересекаются с техникой, и, бывает, небезобидным образом. На борту пассажирского лайнера, летевшего по маршруту Келимане – Мапуту, обнаружили полутораметровую кобру. Можно представить, какое столпотворение началось бы среди пассажиров, если бы опытный экипаж не сумел быстро обезвредить змею. Да что змея! Обыкновенная мышь на сутки там же, в Африке, задержала рейс пассажирского самолета. Мышь заметили на борту и долго ловили ее, опасаясь, что повредит проводку приборов. О таких случаях газеты обычно сообщают в разделе курьезов. Но маршал К. Рокоссовский в книге «Солдатский долг» рассказывал об угрозе, какую создали мыши во время войны боевой авиации. В 1942 году по какой-то причине мыши расплодились в неимоверном количестве. Полчища грызунов наводнили поля и селения. Рокоссовский вспоминает о «мышинном тифе», туляремии, не миновавшей и летчиков. Но под угрозой оказались и самолеты – мыши пожирали обмотку электрических проводов... Всего одна мышь недавно принесла убыток в 300 тысяч марок автомобильному заводу «БМВ» в Мюнхене. В момент обеденного перерыва неожиданно включился главный конвейер. Стоявшие на нем десять автомобилей новейших марок превратились в металлический лом. Замыкание вызвала мышь, подточившая изоляцию проводов.

Парализовать технику могут существа и более мелкие. Электронщики как огня боятся появления тараканов. Замыкание в микросхемах – вполне им посильное.

Всех столкновений техники и животных перечислить немисливо. Орлы и аисты гибнут, замыкая провода линий высокого напряжения. Ежи и лягушки в громадных количествах гибнут на автострадах. В Новохоперске мне рассказали: на шоссе гибнут ужи, выползающие из болота на теплый асфальт погреться. Известны случаи, когда поезда останавливались, пробуксовывая на рельсах, буквально засыпанных божьими коровками. Дорожный знак «бегущий олень» требует к себе серьезного отношения. У лосей и оленей пути миграций и переходов стабильны. И лучше у знака притормозить, ибо столкновение обоюдосопасно. У меня хранится снимок, где туша лоса, пробив ветровое стекло, почти целиком оказалась в машине.

Особо опасны столкновения в воздухе. Обыкновенная утка или даже скворец могут «сбить» самолет, повредив его или заглушив двигатель.

Во всех этих случаях вины животных нет. Они живут своей жизнью, пользуются привычными путями передвижения. Обезопасить технику, свою жизнь и жизнь животных может лишь сам человек, предупреждая столкновения. Неразумно, например, строить аэродромы вблизи традиционных скоплений птиц. Привлекают птиц и свалки вблизи аэродромов. Электролинии конструировать надо так, чтобы птицы не гибли на проводах и не выводили из строя электросеть. На Севере строителям газопроводов приходится считаться с путями миграций диких оленей – делать специальные «арки» для прохода животных. В азиатских степях губительными для сайгаков кое-где становятся каналы с крутыми откосами. Классический пример нарушения жизненно важных для рыб нерестовых путей – создание на реках плотин. Сколько было в свое время благостных разговоров о лифтах-рыбоподъемниках. Но рыбы лифтами пользоваться не захотели...

Некоторые животные, как, например, кабаны, вороны, воробьи, тараканы, извлекают из сожительства с нами пользу. Другие животные попадают в ситуации, удивляющие или вызывающие сострадание. Хранитель усадьбы-музея в Михайловском Семен Степанович Гейченко рассказал, как к нему вышел барсук с банкой на голове. «На свалке вылизывал банку из-под варенья и сделался ее пленником». Дрозд в одном из европейских городов свил гнездо у стекла светофора и, оберегаемый всеми, благополучно вывел птенцов. Для синиц привычным стало вить гнезда в почтовых ящиках у домов. Очень умело вскрывают синицы бутылки со сливками и кефиром. (Считали, что это могут делать в результате обучения-подражания лондонские синицы, но я убедился, отдыхая в Пушкине, под Москвой, – наши синицы столь же сноровисты.)

Почти все животные техники не страшатся. На машине к лосю, оленю, кабану можно подъехать довольно близко. А гепарды в национальных парках Африки настолько привыкают

с рожденья к автомобилям, что один из них прыгнул на наш «Лендровер» с единственной целью – с верхней точки глянуть: не пасутся ли где антилопы. Бобры нередко селятся рядом с шумной автомобильной дорогой. Ежи, если быть предупредительным и выставять блюдечко с молоком, охотно посещают дачные дворики. В Вашингтоне в парках и садах на окраине города рядом с человеком живут еноты-полоскуны. В Бонне рядом с многоэтажным домом на лужке под деревьями я видел парочку диких кроликов. Лисицы ухитряются жить даже между путей товарных железнодорожных станций. И так далее. Живая природа, на которую человек оказывает громадное давление, либо перестает существовать, либо как-то приспосабливается к соседству с нами, невольно создавая разного рода помехи. Человеческого ума задача, борясь с тараканами и регулируя численность некоторых животных, – быть терпимым к другим невольным нашим соседям, стараться избегать с ними конфликтов и столкновений и радоваться, что есть еще у человека соседи по жизни.

Фото из архива В. Пескова. 15 августа 1987 г.

Глаза Окно в природу

Иду опушкой. В тишине слышно: гремят слюдяные крылья стрекоз – глазастые вертолеты на скорости, с резкими поворотами хватают мошек и комаров... Над полем, навалившись грудью на ветер, на одном месте, как на нитке, висит пустельга. Ее дело – мыши в траве... А вот и еще один мышелов – одичавшая деревенская кошка суженными на солнце зрачками следит за краем стерни... Всем трем животным высокую точность в охоте, а также информацию об опасности обеспечивают глаза.

Великое разнообразие глаз! У всех позвоночных, включая и человека, устройство зрения в принципе одинаково – фокусирующее свет устройство, чувствительная к свету сетчатка, передающая импульсы в мозг. Но глаза у каждого существа видят окружающий мир по-разному, в соответствии с образом жизни.

У земноводных глаза выпущены. Скрываясь в воде, глаза, как перископы, держат они над поверхностью. Понаблюдайте за лягушкой. То же самое у крокодилов, у бегемотов.

У бакланов и пеликанов глаза одинаково хорошо видят и в воздухе, и в воде. Того больше, поверхностный блеск воды, ставящий завесу перед нашими глазами, не помеха бакланам и пеликанам. Они видят сверху, что происходит в толще воды.

А почему вертит головой вот эта сова? Оказывается, светосильная оптика, дающая возможность совам видеть в призрачном свете сумерек, требует глаз больших. У сов они так велики, что в голове не остается места для мышц,двигающих глаза. Глаза у сов неподвижны. Расположенные спереди головы, они дают прекрасное бинокулярное видение, необходимое для точного определения расстояния при охоте. Но скосить глаз сова не может. Она поворачивает всю голову, причем делает круговое движение и даже вот такое курьезное в случае, когда надо хорошо рассмотреть интересующий ее предмет. Бинокулярное зрение, очень важное для хищника, растительноядному зайцу не нужно. Траву к чему рассматривать? Гораздо важнее заметить опасность, с какой бы стороны она ни возникла. Глаза у зайцев расположены по бокам головы и обеспечивают почти круговой обзор. Так же устроено зрение у вальдшнепа, у травоядных антилоп... У древнежителя хамелеона каждый глаз поворачивается отдельно. Это дает возможность видеть перед собой, сзади, сбоку и точно определять расстояние, на котором можно выстрелить языком.

А как видит висящая в воздухе пустельга? Мы с такой высоты мышь не могли бы заметить. У хищных птиц глаз обладает «разрешающей способностью», в три-четыре раза превышающей человеческую. Птицы видят четче, острее. Кроме того, глаза соколов, например, действуют подобно биноклю, приближающему предметы.

Лягушке, сидящей на кочке возле воды, важнее всего не детали предметов, попадающих в поле зрения, а их подвижность. Движение для лягушки означает либо добычу, либо опасность. Ее глаза, остро воспринимающие горизонтальные и вертикальные линии, побуждают ее либо спастись, либо немедленно нападать. Живая, но неподвижная муха не заденет внимания лягушки. Но стоит мелькнуть даже фальшивой, на нитке подвешенной мухе, лягушка накрывает ее языком. Охотятся лягушки только на живые движущиеся объекты.

Свет и цвет... Все ли животные одинаково хорошо воспринимают цвет? Оказывается, нет. Дно глаза, мы знаем, выстлано сетчаткой, представляющей под микроскопом скопление «палочек» и «колбочек». «Палочки» очень чувствительны. Они улавливают мельчайшие частицы света, попадающие в глаза, например, тех же сов, лемуров, в глаза вот этого долгопята, поймавшего ящерицу, а также кошек. «Палочки» цвета не воспринимают, он ведь в сумерках все равно неразличим. Зато там, где мы видим только два светящихся глаза кошки, сама кошка видит бегущую мышь. Еще более чувствительны глаза сов и всех ночных хищников. Они видят в призрачном свете звезд и луны. И только в темноте совершенной полагаются лишь на слух. Значит, кошке безразлично, какой телевизор смотреть – черно-белый или цветной? Не совсем. Кошка – охотник сумеречный. Но мышь она поймает и днем. У нее хорошо активизированы и «палочки», и «колбочки». Стало быть, жизнь для нашего прирученного мышелова далеко не бесцветна. Но чтобы излишне не раздражались, не ослеплялись чувствительные «палочки», зрачок у кошки, понаблюдайте, подвижен. Он действует подобно диафрагме в фотографическом объективе: избыток света сужением зрачка не пропускается в глаз.

А отчего у кошки и других животных, ведущих ночной образ жизни, глаза в темноте светятся? Объяснение есть. Поток световых частиц ночью так жидок, что глаз экономно возвращает сетчатке частицы света, проскочившие мимо чувствительных «палочек», с помощью естественного зеркала-рефлектора. Таким образом, повышается чувствительность глаза и появляется в темноте видимое нам отражение.

Пусть незначительный свет – от луны ли, от звезд, – зрящим ночью животным он все-таки нужен. В совершенной темноте видеть они не могут. Но гремучая змея, хорошо видящая днем,

видит и ночью. Как? С помощью «тепловых глаз». В ямках, как раз под глазами, воспринимающими свет, у змеи есть устройство, улавливающее тепловое излучение. Чувствительность его высока – улавливает разницу в одну сотую градуса. Таким образом змея видит мышь. Я не оговорился, именно видит. Тепловой приемник передает в мозг змеи очертания мыши, как это делают глаза днем. С помощью специальной техники удалось смоделировать этот процесс, и потому теплочувствительное устройство змеи называют «тепловыми глазами».

И присмотримся к стрекозе. Ни одно животное, если считать соразмерно телу, не имеет таких огромных глаз. Кажется, увеличить их еще хотя немного, стрекоза потеряет равновесие в полете. Устройство этих громадных глаз особое, оно свойственно насекомым и ракообразным. Фасеточные глаза! Изображение фокусируется на сетчатку не одной линзой, а множеством. Их тысячи и на выпуклых глазах мухи, что дает ей мозаичную картину окружающего пространства (все знают, как трудно прихлопнуть муху, с какой стороны ни замахивайся). У стрекозы же фасеточное зрение – предел совершенства. 27 000 линзочек проецируют на сетчатку глаза попавшего в поле зрения комара или что-то еще. Потому так легко и свободно с резкими поворотами носятся друг за другом или охотятся эти изящные существа.

Глаза любого животного получают столько информации из окружающего мира, сколько ему необходимо для полноценного существования и выживания.

Фото из архива В. Пескова. 5 сентября 1987 г.

Домик для крохалей Окно в природу

На эстонском острове Рухну, в единственной островной деревеньке, на деревьях возле домов я увидел в большом количестве изрядных размеров дуплянки, бочонки, ящики, даже духовку. Приглядевшись, понял: к пчеловодству эта «посуда» отношения не имеет, повешена явно для птиц. Но каких?

Заметив мое любопытство, пиливший дрова островитянин бросил работу и с такой охотой взялся все объяснять, как будто сорок с лишним лет жизни только и ждал желанной минуты.

– Понимаес, это для птиц... Ну утка такая – крохаль, как скворец, поселяется около дома. Ну что же, раз поселяется – пожалуйста, вот и дома выбирай.

Островитянина зовут Норм. Норм Эндель. Он родился на Рухну. Был рыбаком, электриком, председателем сельсовета. Делает дома крохалям с детства. Норм рад занять благодарного слушателя. Букву «ш» он произносит как «с». И его дружелюбная речь занята, как эти дома для птиц.

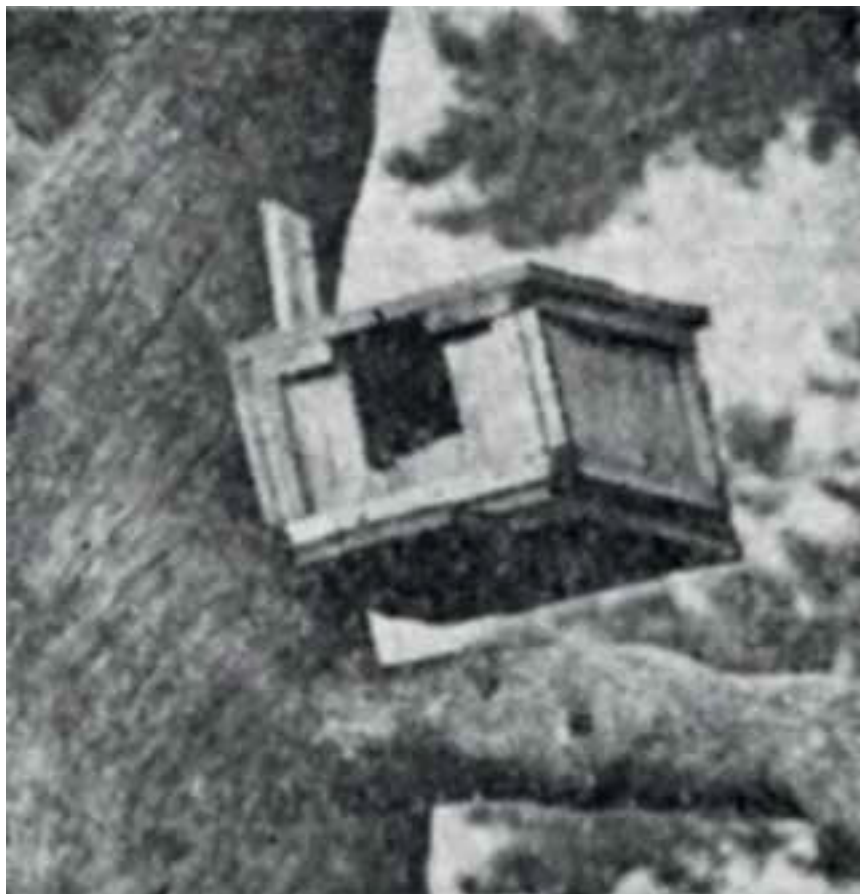
– Мы ребятисками, понимаес, соревновались. Кто больше повесит. Они, понимаес, тяжелые – приходилось веревку и блок применять. Я весал пятнадцать, и, понимаес, во всех селились.

– А что же это за птица, крохаль?

– Ну, понимаес, утка. Нос такой с крючком – рыболов.

- А в домики прилетают гнездиться?
- Да. Дырка должна быть большая. Птица эта, понимаес, с ходу, как пуля, влетает – ни провода месать не должны, ни ветки.
- Людей не боятся?
- Не-е... Живут, как скворцы.
- Что же, для радости к дому птиц привлекают?
- Можно сказать, для радости. Но мы и квартплату берем.
- ?
- Яйца берем. Не все, конечно. Оставляем крохалю десять, остальные – на сковородку. Так делали тут, на Рухну, всегда. Крохалей, понимаес, это устраивает. Ворон и галок мы прогоняем. А к человеку утки привыкли. Ставис лестницу... Ничего, опять садятся на яйца. Иногда, понимаес, в один ящик две утки яйца кладут. Это неудача для уток, а мне удача.
- Ну а вывелись малыши, как же с дерева вниз?
- О! Прыгают, как парасютисты из самолета. Мать внизу, подает голос, а они – один за другим. Подпрыгивают на земле мячиками. Мать, понимаес, умеет считать. Например, прыгнуло семь, а она все зовет, знает, исё один есть. Ну ставис лестницу, на руках спускаес трусиску. И мать ведет детвору к морю. Ведет по улице, по огороду. Вороны тут зверствуют, нороят малысэй похватать. Ну приходится с матерью проводить до воды. Так делают ребятиски и взрослые.
- Что же, только на Рухну крохали квартируют?
- Да нет, на всех островах, на Кихну, на Манилайде, Вилсанди. До войны, говорят, даже на Сааремаа были. Это, понимаес, интересное дело – иметь во дворе дикую птицу. Живет рядом с тобой и не боится.

...и домики для птиц.

Фото автора. 27 сентября 1987 г.

Осени середина Окно в природу

Самая середина. Все уже пожелтело, но не успело еще облететь. Погожие тихие дни разбавляют желтизну мира солнечным синим туманом. Утром туман так плотен, что, переправившись через канал и поднимаясь к селу Рождествено, вижу лишь силуэты двух говорящих людей. Почтальон, отдавая в крайнем дворе газету, делится новостями:

– Васька Поланин леща на четыре кило поймал...

– Васька умеет... – отзывается собеседник.

На проводах у дома стоя готовые к отлету скворцов по-весеннему свищут и верещат, но без азарта, вполголоса, предаваясь приятным воспоминаниям. В поредевших садах фонарями желтеют поздние яблоки, в рябинах пируют дрозды. Лежащее на взгорке село кудрявится всеми оттенками желто-бурого цвета, серебрится пушком диких трав на околице. Тропа от села желтой змейкой скрывается в пойменных крепях, где синей подковой притихла вода. Словно любясь этим творением осени, скользит, сверкая на солнце ослепительно белым боком, сорока. Наигравшись, она вдруг круто, зигзагами падает в ивняки.

За двадцать шагов слышно, как пробегает мышь, как выдает шуршанье осторожный с приседанием шаг возбужденной охотой кошки.

– Да, дело идет к холодам. Мыши к жилью прибиваются – это уж верный признак, – наблюдая за кошкой, размышляет знакомый лесник.

Дом лесника огородами смотрит в бор, и на этой черте лесная жизнь встречается с деревенской, домашней. На лужайке возле дубов пасется корова, где-то за пеленой елок погромыхивает цепью лошадь, по пруду далеко в лес углубляются утки. Обитатели леса, тоже не признавая границы, навешиваются к жилью. Огород лесника изрыт кабанами, дрозды летают клевать рябину, сойка кормится возле кур. А недавно у соседей лесника и сами куры исчезли. Семь штук. Расследование показало: пока хозяйка дома была в отъезде, беспризорных птиц перетаскала лиса.

– Я ее знаю в лицо, – рассказывает лесник. – Иногда приходит на поляну и прыгает возле лошади. Любопытно ей, видишь, и неопасно. Раза три заставал. То прыгнет, а то лежит, наблюдает.

Еще летом был у нас уговор с лесником: по осени, в листопад проехаться на лошадке по лесам и проселкам.

– В самый раз появились. Не опоздали.

Идем за лошадью в лес. Тайно надеюсь: и мне повезет увидеть, как лисица играет и любопытствует, – иду первым. Но Мальчик – мощнотелый гнедой жеребец – пребывал на поляне в задумчивом одиночестве и, кажется, даже обрадовался, что предстоит ему поразмяться.

И вот едем лесом по дорогам когда-то торным, а теперь покрытым щеткой березняка, рябинок, кленов, кустами таволги и хвощом. Местами Мальчик тащит телегу по бочагам, покрытым ряской со следами кормившихся уток. То и дело пригибаемся на телеге, избегая упругих еловых веток. Сумрачно-молчаливое царство с черными облетевшими липами, с запахом дуба, холодком больших, как олады, листьев орешника. Возле болотца встречаемся с лосем. Лошадь зверю тоже, как видно, знакома – дорогу уступает неспешно, с любопытством оглядывается. Не шевелясь, мы долго наблюдаем мелькание в чаще белых лосиных «штанов».

А потом дорога идет веселой и теплой опушкой, повторяет извилистую границу леса и поля. Блестит на солнце стерня, калиновый куст согнулся под красной тяжестью ягод. Пустельга ныряет сверху в палые листья и взлетает с мышонком.

А дорога ведет между тем в деревню-малютку Поседкино. Пахнет яблоками, дымком. Как корабли инопланетян, стоят на единственной улице деревеньки ярко-красные и вишневые «Жигули». Метелкой из перьев владелица «Жигулей» сметает с машины листья и не скрывает шутливой зависти:

– На лошадке! Куда хотят – туда едут...

Из дома с криком: «Лошадка, лошадка!» – выбегают две городские девчушки. Сажаем их прокатиться до края деревни. Потом вспоминаем с лесником детство. «Вот так же выбегали из дома с криком: «Машина, машина!» «Запах бензина, помню, нравился, как диколон...»

И опять опушкой идет дорога. На прогретой солнцем трубе у обочины греются, как на печке, две стрекозы. А шмелю тепла еще маловато – оцепенел в бархатной своей одежке на мохнатом цветке татарника.

Запоздало цветет ромашка. И как чудо видишь вдруг желтое солнышко одуванчика – лазутчик мая прокрался в октябрь и сочно цветет в окружении желтых листьев.

Деревню Долгиниху объезжаем околицей. Наблюдаем издали, как молодой парень, по пояс голый, колет дрова. Виден удар. А звук от удара доходит к нам с запозданием. Знакомая с детства картина, но все равно интересно... А у крайнего дома старушки выясняют какой-то житейский вопрос.

– Дак ведь он литеран...

– Ну что ж, литеран. Я тоже в войну на Урале пушки лила...

И скрылась за бугром деревенька. Опять лес с терпким настоем дуба, аптечным запахом таволги и увядающих листьев... Нехитрый обед у костра на полянке. И приходит час с лесником нам проститься. На бумажке он чертит для меня тропу до ближней деревни, объясняет, где просить перевоза через залив.

Остаток дня – пеший. Иду по вечернему лесу, по деревне, где жгут опавшие листья, почти у каждого дома – дымный пахучий костер. И потом до отказа набитая электричка. Везут букеты последних цветов, кленовые листья, грибы, яблоки, саженцы, хрустит в рюкзаках капуста. Рыжий бойкий мальчишка везет в корзине совенка, и все в вагоне хотят на него поглядеть. Душно. Открывают окошко. В него на скорости залетает желтый листок. Среди молодых веселая суматоха.

– Мой, мой! – ловит его девчонка и кладет в раскрытую книжку на память...
Бывают дни, которые хочется удержать в памяти.

Фото автора. 17 октября 1987 г.

Мельница у дороги Проселки

Она стоит у самой дороги. Проезжая по острову Муху, вы непременно притормозите. И с полчаса будете ходить, цокая языком. Мельница! И не макет для украшения пейзажа, а живая – вертятся крылья, поскрипывает дерево, по лестничке неторопливо спускается мукой испачканный мельник... Готовы поручиться, это сегодня единственное в стране чудо. Разноцветные «Жигули», как шмели на цветке, теснятся у мельницы. Ребятишки горохом выкатываются из машин – поближе увидеть то, что знакомо лишь по картинкам. Родители «живую» мельницу тоже не видели, степенно рассуждают о том, как быстро пробежало человечество путь от мельниц до самолетов, вертолетов, всяких там судов на воздушной подушке и «Жигулей». Кто посмелее и любопытней, ведут ребятишек по лестнице – заглянуть внутрь. Там видны громадные деревянные шестерни с кленовыми зубьями, виден вал, передающий от крыльев вращение жерновам. Из-под глухо ворчащих камней сыплется теплый размол зерна. Мельник дает понюхать этот размол, весело пачкает носы ребятишек мукой.

Волна машин подкатывается к мельнице после причаливания паромов, приходящих с материка. В час затишья между паромами мельник отряхнул с рубашки муку, отлаженным устройством притормозил крылья и прошел в деревянный «вигвамчик» около мельницы. Тут мы познакомились с ним поближе.

– Зовут меня Юрий, Юрий Линке. Человек я семейный, имею трех детей и одну жену. – Мельник прищурился – умеем ли ценить шутку?

Выяснилось: мельницу Юрий Линке построил сам.

– Просто так взялись и построили?

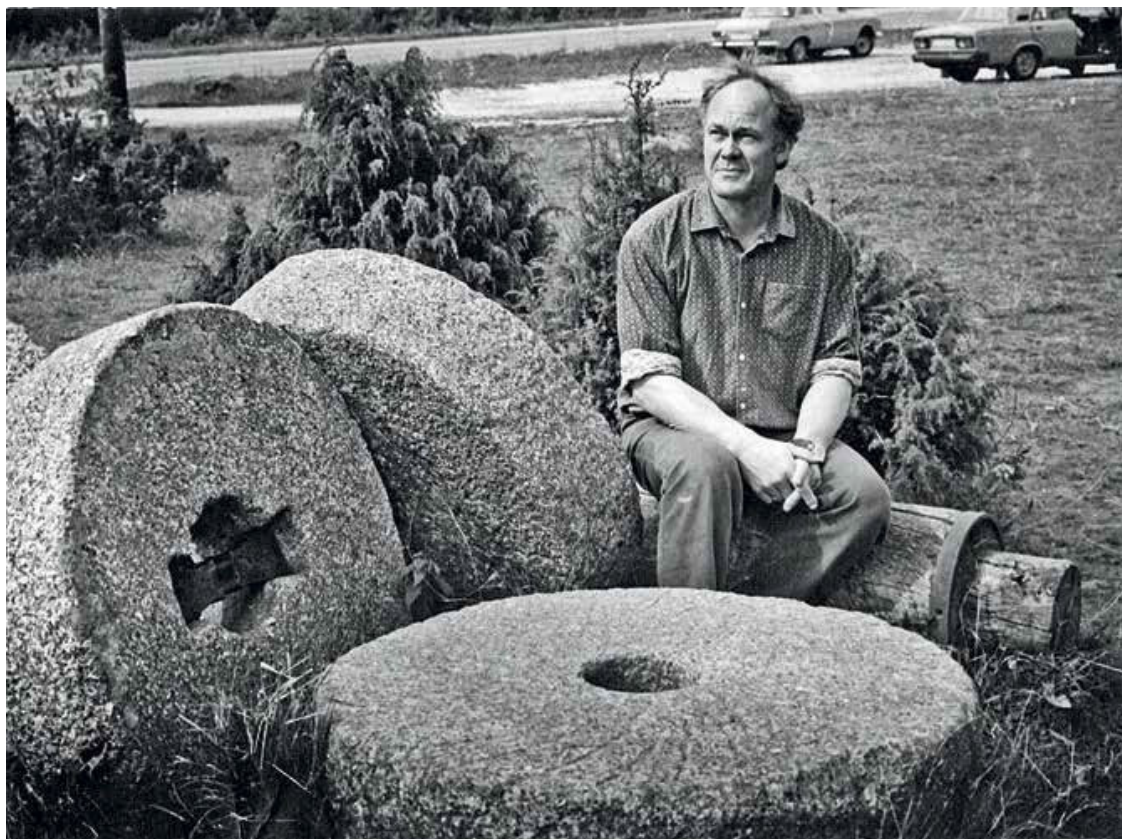
– Да нет, конечно, не просто так. Возникла потребность...

Эстония – край ветреный. Мельница была тут когда-то непременной частью пейзажа. На острове Сааремаа было восемьсот восемьдесят мельниц. На острове Муху – он меньше – в деревнях мельницей владел почти каждый двор. Кто побогаче, имел мельницу целиком. Победнее дворы держали мельницу на двоих – по два крыла. Самый бедный имел хотя бы одно крыло. Юрий не знает, сколько мельниц было всего за Муху. Двадцать из них еще держатся, но ни одна не работает. От остальных остались лишь каменная основа да жернова.

– Давно уже шли разговоры, мол, надо бы хоть одну мельницу сделать рабочей. Но мололи лишь языком. Так получалось...

– И вы взялись за топор...

– Погодите. Скажу сейчас самое главное. Я, понимаете, пил. Очень сильно. Ну, знаете, дальше некуда. Столярное ремесло, и кузнечное, и плотницкое забросил. Работал на пристани стивидором. Это такой человек – паром загружает. Жизнь протекала: работал, пил, спал. И, чувствую, для работы время стало уже сужаться. Как-то утром с похмелья – пьющие знают: в этот час себя очень не уважаешь – понял я, что живу не так, нельзя так жить. Нельзя! И решил завязать. Совсем. Ни капли больше! Жена не поверила, друзья на пристани глядели как на чумного. А я сказал себе: или пить, или жить. С выбранной точки я не подвинулся. И как будто заново на свет появился. Было это, между прочим, до того, как стали о пьянстве в газетах писать. Задолго до того – в 1973 году.

Юрий и жернова для его мельницы

– Вы разрешите об этом написать, рассказать?

– Не только разрешаю, прошу вас: обязательно напишите. Это полезно знать.

За мельницу Юрий взялся, как он сказал, «потому что руки чесались работать». Появилась потребность занять себя стоящим делом. Мельница – агрегат не слишком уж сложный. Однако и не простой. Юрий взялся за дело уверенно, потому что от деда и от отца перенял ремесло кузнеца, плотника, столяра, каменщика, знает слесарное дело, сварку, стоял за токарным станком.

– Все этими вот руками... Кое-какие средства были нужны. Но я рассуждал так: тратился на бутылки во вред себе, отчего же не потратить на пользу и себе, и другим. Помню день: созвал сыновей, засыпал зерна... И весело было глядеть нам, как мельница крыльями замахала.

Отправился после этого Юрий на остров Сааремаа, в Кингисеппский музей: «Вот мельницу сделал. Принимайте подарок». Подарок, конечно, с радостью приняли. Сделали Юрия Линке и мельником, и смотрителем экспозиции. Поставил он рядом деревянный «вигвамчик» и трудится в нем в моменты, когда волна любознательного люда на «Жигулях» стихает. Делает Юрий памятные вещички из можжевельника, на которых тут же паяльником ставит живописный рисунок-тавро – очертания мельницы и название острова. На работу Юрий имеет патент. Спрос на вещички, сделанные с редким изяществом, очень хороший. У Юрия есть свои «Жигули». Наверное, он мог бы купить даже «Волгу» – и дай ему бог! Но тратит деньги этот любознательный с золотыми руками эстонец своеобразно.

– Заезжайте к вечеру, я вам еще кое-что покажу. А сейчас оглядим как следует мельницу.

Мельница у дороги.

В отличие от мельниц голландских, у которых поворачивается лишь «шапка», этот эстонский ветряк поворачивается к ветру лицом весь целиком. Полотно на крыльях – как паруса. Слабый ветер – парусов больше. Помол – два мешка в час. Проблема с зерном. Его подвозят, но маловато – разучились печь хлеб по домам. Потому мелет Юрий зерно бесплатно, растягивая помол надолго, чтобы все проезжающие могли поглядеть, как действует дедовский агрегат.

– Самое долговечное в мельнице – жернова. Вот собрал на острове и привез сюда десять штук. По прикидкам, хватит лет на семьсот... Заезжайте вечером обязательно.

Вечером Юрий повез нас в деревню. Издали мы увидели возвышающееся над лесом странное сооружение, похожее на палубную надстройку большого военного корабля. Подъехали ближе – ветряк. Но какой! Над трехэтажной постройкой возвышалась башня из металлоконструкций, и на ней три крыла, каждое – метров пять.

– Тоже мельница?

– Заходите, заходите – увидите...

Начали мы, как верхолазы, с надстройки. Это было нешуточное сооружение, с лестницей и поручнями, сваренное из стального проката.

– Прежде чем браться за дело, съездил в Таллин, показал чертежи инженерам. Сказали: «Вари – устоит при любом ветре». И вот действует...

Мастер снял тормоз, и гигантский ветряк ожил, передавая вращение с крыльев-пропеллеров на ухидившую книзу штангу.

На трех этажах помещения мы увидели царство шкивов, шестеренок, приводов, ремней. Силой ветра тут можно было пилить бревна, качать воду, вырабатывать электричество напряжением в 380 вольт. Силой ветра питались станки: металлорежущий, строгальный, шлифо-

вальный, для точки дерева. Тут мастер заготавливал плашки для своих сувенирных поделок из можжевельника. Они лежали пахучими аккуратными стопками на «столярной палубе» сооружения.

– Но для этого достаточно было бы обычного электричества от сети...

– Вполне достаточно. Это даже моя жена, продавщица, уразумела. Говорила все время: «Ну зачем тебе это надо?!» Однако умолкла, понимая: эта причуда все-таки лучше ежедневной бутылки. По здравому смыслу – чудачество. Но мне интересно. Все интересно: какую силу можно у ветра взять и как ее применить. По-ученому выражаясь, экспериментирую...

Все в громадном сооружении Юрий Линке сделал сам. Сложил мастерскую, накрыл ее, сварил остов конструкции ветряка, придумал способы съема энергии. Долго бился и сумел ликвидировать вибрацию, придумал автоматический режим ветряку. Он постоянно, как детская вертушка на столбике, «держит нос по ветру», при слабом напоре дает полтора киловатта электроэнергии, ветер покрепче – пять киловатт. Автоматически при сильном ветре переключается на пятнадцать киловатт, отдавая энергию в сеть.

– Целый исследовательский институт...

– Институт не институт, но голову поломать было над чем.

В комнате отдыха, которую мастер устроил для себя в углу мастерской, мы увидели громадных размеров стол, внушительной прочности и красивый – хоть завтра на выставку. Своей же работы стулья. Из натурального камня камин – «люблю глядеть на огонь». Шкафы, полки, отопление – все сам.

– Отец у меня владел десятью профессиями. Больше всего любил столярное дело. Говорил: «Столяр и на свадьбу обязан пойти со складным метром и с карандашным огрызком». Я как-то посчитал: владею пятнадцатью профессиями, но тоже больше люблю столярничать. Вот, поглядите, недавно придумал...

Мастер достал из шкафчика плошку с лесными орехами и положил рядом деревянный бубличек с деревянным винтом по диаметру.

– Кладешь орех. Пол-оборота – и орех треснул...

Милую эту штучку посетители мельницы могут купить в «вигвамчике». Она изящна, остроумно проста.

– Вышел спор у меня с очень знатным столяром. «Не получится, – говорит, – винт – сыпаться будет резьба». И правда, две недели возился – сыплется. Но вот добился. Возьмите себе на память...

Приятно было провести вечер с Мастером. Похвалу золотым рукам своим принимал он со спокойным достоинством. Еще раз попросил: «Писать будете – непременно скажите, что пил, мол, и бросил. Это важно сказать. Пьют ведь не только бездельники. С пути сбиваются и хорошие люди. Мой пример для них – точка опоры».

Уже на прощание, подкидывая в камин поленьев, Юрий спросил: дойдет ли «Комсомольская правда» в Анголу?

– ?

– Да, понимаете, сын там работает. Ну и приятно, прочтет об отце...

Уезжали мы из деревни Мастера уже с зажженными фарами. Оглянулись с дороги. Громадный ветряк, перекрывая лопастями луну, работал. Это значило: телевизор, лампочки, холодильник в доме Юрия Линке были живы энергией тихо дувшего с моря ветра. А возможно, работал еще и станок – вечером Мастер любит точить свои деревяшки.

А ветряк мукомольный возле дороги дремал. С крыла его тихо скользнула в кусты сова, караулившая тут мышей.

Фото В. Пескова. В. Песков, И. Тетерин. 24 октября 1987 г.

В Бёхове над Окой Окно в природу

Лет десять я не был в Бёхове, живописном селце на Оке. Память хранила серебристый изгиб реки, высокий увалистый берег с погостом, окаймленный чередой берез, россыпь рубленых изб по увалам. И вот опять иду над рекой. Все на месте. И есть перемены. Вот дом, где встретил я деревенского скульптора, рубившего тут у крыльца окский камень в память погибших в 41-м году. Теперь на погосте увидел печальную пирамидку на могиле самого мастера – портрет на фарфоровом кругляше и фамилия: Федор Куржуков. Я снял шапку, припомнив все подробности давней встречи. Это была минута грусти с мыслью о том, что вот так же тихо, блестя на солнце, Ока будет течь и после каждого из нас, так же будут суетиться дрозды на рябинах, будет пахнуть осенним дымком...

Я надел шапку и обернулся, теперь уже с радостью, к тому, что увидел в середине деревни. Десять лет назад тут лежали руины церквушки – битый кирпич, остатки стен, изогнутые прутья железа, все знакомое и привычное по другим уголкам деревенской России. Но тут развалины особо ранили сердце, потому, во-первых, что лежали они на заметном, особенно живописном месте и потому еще, что церквушка была наряду со школой построена в дар деревеньке Василием Дмитриевичем Поленовым, замечательным русским художником, окончившим тут, на Оке, свои дни. Церковь была построена по проекту художника. В ней так же, как в Щусевской церкви на Куликовом поле, нет следования архитектурным канонам. Поленов руководствовался соображением красоты, соединив европейскую готику с византийским округлением купола и ритмикой кровельных плоскостей. Все это я видел теперь, любясь строением. Ранее в безобразных развалинах немислимо было угадать формы. Крышей тут было небо. Под своды летом от жары пряталась деревенская лошадь. Кирпич растаскивали для печей...

И вот чудо. На зеленом приокском взгорке стоит, «веселуется», как написано было кем-то из древних странников, возрожденная почти что из праха постройка. Я обошел ее вдоль забора, сложенного из окского камня, заглянул в щелку ворот – все в образцовом порядке. По тропе от

автобуса девушка вела экскурсантов. Галопом к реке по жухлым, побеленным морозом травам проскакала черная лошадь. Почти сказочное превращение представляется человеку, долго тут не бывавшему. Но для кого-то эта постройка ведь особенно дорога, кто-то отстоял, доказал необходимость ее возрождения. И кто-то, терпеливо прикладывая камень к камню, кирпич к кирпичу, ее обновил.

С внуком Поленова, нынешним хранителем заповедной усадьбы, Федором Дмитриевичем Поленовым, мы пришли в Бёхово утром другого дня. Постройка в середине деревни была опять обласкана солнцем. Белая ее строгость приглашала к аккуратности все, что ютилось тут на холмах.

«Изначально церковь была поставлена скоро. Набросав рисунок постройки и определив для нее место, мой дед, как рассказывают, послал на кирпичный завод под Серпуховом записку, сколько надо доставить сюда кирпича. На другой день первые подводы с грузом уже прибыли. Было это в 1907 году... По фотографиям тех лет мы и взялись восстанавливать дедовский дар».

Восстанавливалась церковь много дольше, чем строилась. И не только потому, что перестраивать, восстанавливать всегда труднее, чем строить заново. Не все, не везде еще понимают, что церковь в кремле Рязанском, Московском, на погосте в Кижах, на реке Нерль под Владимиром или в Бёхове над Окой – памятники культуры, истории, человеческого мастерства. Перелом в понимании этого рода ценностей сделан. Былой закоснелости уже нет, и все же Поленову-внуку и его жене-сподвижнице Наталье Николаевне Громолиной изрядную долю немалых трудностей пришлось испытать. Стоя у возрожденного памятника, мы обязаны с благодарностью думать о тех, кто строение возводил изначально, и тех, кто его обновил, продлил его жизнь.

Мои размышления на эту тему у бёховской церкви Федор Дмитриевич Поленов остановил.

– Давайте в первую очередь отдадим должное тем, кто разобрал тут битый кирпич и сделал все до последней чешуйки на кровле.

Бёховский памятник возрожден руками молодых dobroхотов-энтузиастов, приезжавших сюда из Москвы. Главным образом это были студенты различных московских вузов, находившие тут, в Бёхове, выход молодым силам и проходившие, как теперь понимаешь, школу гражданственности. Работы тут было много – пыльной, утомительной, долгой. «Но никто не роптал. Работали, как говорили в старику, «почти что за одни харчи». Жили дружно, с единой целью «сделать все по-людски».

Имена... Федор Дмитриевич называет по памяти: Саня Попов, Саня Савелов, Валерий Микуло, Игорь Русакомский, Раиль Канафьин... Большинство учились в технических вузах и стали теперь инженерами, конструкторами, учеными. Но у каждого еще и бёховская профессия – каменщик, кровельщик, плотник, кузнец. Этими профессиями они гордятся не меньше, чем основной, вузовской.

А несколько человек, почувствовав вкус к реставрации, круто изменили путь жизни. Подлинный герой бёховской стройки – Попов Александр – параллельно с техническим вузом закончил учебу в архитектурном и, став реставратором, на этом поприще добился уже уважения и известности.

Федор Дмитриевич вспоминает своих помощников и питомцев с любовью, сопоставляет «бёховские семестры» с бездумным, беспечным времяпрепровождением кое-кого из нынешних молодых. «Посмотришь: барабаны, магнитофоны – весь пар уходит в свисток. А тут этим паром крутили колеса. В нужное время ребята узнали, что такое мозоли, каков вкус хлеба после тасканья камней. Эти уроки в молодости ой как нужны человеку!»

Реставраторы памятников, даже опытные, профессиональные, качеством работы не всегда радуют. Постройка же в Бёхове государственной комиссией была принята на отлично. «Ребята, ведь можем!» – не удержался кто-то из самых юных, когда принимали работу.

Вот такая человеческая история стоит за поднятым из руин памятником на Оке. С Федором Дмитриевичем мы обошли бёховские холмы, прошли по овражным зарослям ветел, рябин и хмеля, поднялись по ступенькам на белую колокольню, осмотрели потом выставку известного московского живописца в не очень большом и совершенно «мирском» помещении церкви и взошли на погост над Окою.

С фотографии на фарфоре глядел на нас Федор Куржуков – деревенский мастер, обучавший тут москвичей обращению с камнем. Тут же рядом могила Поленова – простой деревянный крест и букетик последних осенних цветов. В этом году минуло шестьдесят лет, как погасла свеча славной человеческой жизни. Память о ней хранится в живописных полотнах; в доме, где жил художник; в роще, посаженной им у Оки. И теперь вот, украшая окский пейзаж, «веселуется» на холме в дар нам оставленная постройка.

Фото автора. 21 ноября 1987 г.

Лось

Окно в природу

Это самый крупный и самый заметный зверь наших европейских и азиатских пространств. Все, кто бывает в лесу, хотя бы раз в жизни лося встречали. Иногда, правда, видишь его лишь мелькнувшим в чащобе. Но бывает, зверь стоит вот так, на открытой поляне, и тогда даже скромный пейзаж одухотворяется красотой, мощью и жизненной силой зверя. Когда он, спугнутый, побежит – им любуешься еще больше. Длинные ноги несут громадное тело с легкостью, им нипочем даже метровая толща снега.

Когда-то лоси обитали повсеместно в Европе и Азии, населяя не только леса. Наскальные письма наших далеких предков повествуют о давних охотах на лося. Превосходное мясо, шкура, кости, рога – все шло в дело во все времена. Рог лося ранним землепашцам служил сошником. Сегодня рога – желанный трофей для охотника. И все, наверное, слышали о лосинах, прочных белоснежных штанах офицеров позапрошлого века. Эта экипировка стоила шкуры многим тысячам лосей. В Западной Европе зверь был полностью истреблен. В европейской части нашей страны его численность от бесконтрольных охот резко упала. В Московской и прилегающих к ней областях после революции насчитали менее тридцати лосей. Строгие меры охраны позволили лосю быстро размножиться. К 1965 году на 1000 гектаров лесных угодий Европейской России уже приходилось до двадцати, тридцати и даже сорока зверей. «Перепроизводство» стало угрожать лесу. Активной охотой численность лося была доведена до десяти на тысячу гектаров. И примерно на этом уровне держится. Подсчет приблизительный, но полагают, на территории страны живет сейчас 700 тысяч лосей. Любопытно, что зверь держится не только в лесах. На севере встречаешь его в лесотундре, на юге – в лесостепях. Лесные посадки привлекли лося даже в степные районы. Однажды «таежника» видели пьющим воду Азовского моря.

Питается лось лесными травами, корой и ветвями деревьев. В самое трудное время, зимой, лось все же вдоволь находит еды, посещая заросли ивняка в поймах рек и сдирая кору с осин. Я видел однажды лося в одичавшем саду – хрумкал яблоки, видел кормящимся возле опушки на клеверах, видел, как, став на колени, молодые лоси поедали грибы, не избегая и мухоморов.

У сильного зверя главный враг – люди. Доверяясь чутью и тонкому слуху, лось умело избегает сближения с человеком. Но дальнобойное нарезное оружие и охоты законом оставляют лосю немного шансов уберечься от пули.

Лось человека боится панически, но годы строгой охраны эту боязнь притупили. Лет пятнадцать назад в Подмоскowie к лосю можно было подойти очень близко. Нарушив пределы сближения, несколько раз я спасался от зверя заячьим бегом и залезая на дерево. Оружие лося – мощные передние ноги с копытами. Ударом их зверь может проломить череп даже медведю. Волки, охотясь на лося, это оружие хорошо знают и ведут себя осмотрительно. Известен зафиксированный на кинолентку случай: более двадцати волков, покрутившись около лося более часа, ушли восвояси. Здорового, крепкого зверя одолеть им непросто. Но молодого лосенка, старого или больного лося волки берут легко.

Мельница у дороги.

В сентябре во время гона возбужденные лоси-самцы теряют осторожность. Откликаясь на призыв соперника (приглушенное мычание), лось может выйти и на звуки нехитрого подражания. Я несколько раз таким образом подзывал зверя, сделав засаду для фотосъемки.

В начале лета оставленные матерью молодые и еще неопытные лоси, совершая свойственные им миграции, нередко оказываются пленниками городов. Попытки спасти их почти всегда неуспешны – испуганный зверь погибает от шока.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.